

УДК 351.86(73)
ГРНТИ 78.17.54

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА США В СВЕТЕ НОВОЙ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*В.В. ТЕПЛУХИН, кандидат исторических наук
ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
С.Г. АЛЛЕНОВ, кандидат исторических наук, доцент
ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
С.А. МАХИБОРОДА
ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)*

Статья посвящена критическому разбору новой стратегии национальной безопасности США, которая вступила в действие в декабре 2017 года и до сих пор не получила обстоятельного освещения в отечественной экспертной литературе. Предпринятый авторами анализ основных положений документа позволяет сделать вывод о принципиальной приверженности администрации Д. Трампа курсу на утверждение глобальной гегемонии США и усиление конфронтации с Россией. Обзор конкретных мер, намеченных для военно-силового обеспечения данной стратегии, дает представление о том, какими угрозами для России чреваты в ближайшей и среднесрочной перспективе американские планы укрепления собственной безопасности.

Ключевые слова: Россия, стратегия национальной безопасности, угрозы национальной безопасности, вооруженные силы, международные отношения, внешняя военная политика.

DEVELOPMENT PROSPECTS OF THE ARMED FORCES AND MILITARY- INDUSTRIAL COMPLEX OF US IN THE LIGHT OF THE NEW AMERICAN NATIONAL SECURITY STRATEGY

*V.V. TEPLUHIN, Candidate of Historical Sciences
MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)
S.G. ALLENOV, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor
MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)
S.A. MAHIBORODA
MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)*

The article is devoted to a critical analysis of the new US national security strategy, which entered into force in December 2017 and has not yet received extensive coverage in the domestic expert literature. The main provisions analysis of the document undertaken by the authors allows to draw a conclusion about the principled adherence of the administration of D. Trump to the rate for the approval of the USA global hegemony and the confrontation strengthening with the Russian Federation. Overview of the specific measures planned for the military force to ensure the strategy, gives an idea of what the threats to Russian Federation are fraught in the short and medium term, the US plans to strengthen their own security.

Keywords: Russia, national security strategy, national security threats, armed forces, international relationships, foreign military policy.

Введение. Сразу после прихода к власти в январе 2017 г. президент Соединенных Штатов Америки Д. Трамп дал поручение политическому и военному руководству страны подготовить документы, определяющие принципы подхода новой администрации к проблемам национальной безопасности и к ее обеспечению военными средствами. В декабре того же года Конгресс США утвердил первый из таких ключевых документов – подготовленный аппаратом президента при участии привлеченных экспертов и представленный от его имени текст под названием: «Стратегия национальной безопасности: Америка прежде всего» (National Security Strategy) [1]. Руководствуясь ее установками, американское военное министерство вскоре разработало обновленные версии «Национальной оборонной стратегии» (National Defense Strategy) [2] и «Обзора ядерной доктрины» (Nuclear Posture Review) [3], незасекреченные части которых были опубликованы соответственно в январе и феврале 2018 года. Они дополнили действующую с 2015 г. «Национальную военную стратегию» (National Military Strategy) [4], а также ряд обзоров, докладов и наставлений Пентагона и Объединенного комитета начальников штабов, имеющих не столь декларативный характер и содержащих более детальные сценарии развития и возможного применения вооруженных сил [5]. Таким образом, через год после начала деятельности новой администрации был существенно обновлен комплекс нормативно-правовых актов, формирующих военно-политический и военно-стратегический курс США и близких по совокупному содержанию к тому, что в российской традиции принято обозначать понятием военной доктрины [6, 7].

Задачи и актуальность. В данной статье предпринята попытка критического обзора новой американской стратегии национальной безопасности (далее также «Стратегии»), занимающей центральное место среди действующих доктринальных документов внешней и военной политики Соединенных Штатов. Целью статьи является разбор важнейших положений данного документа, прежде всего тех его разделов, которые очерчивают перспективы развития военной мощи Америки и задают вектор деятельности ее силовых структур на ближайшую и среднесрочную перспективу. Речь пойдет, в частности, об оценке американскими стратегами современной геополитической обстановки и их представлениях об угрозах, которым подвергается их страна, а также о намеченных ими стратегических приоритетах и конкретных мерах по защите национальной безопасности США. Необходимость анализа этих аспектов в значительной мере диктуется сдвигом, произошедшим в последние годы в подходе Соединенных Штатов к отношениям с Россией и острым кризисом, который переживают эти отношения сегодня. Как будет показано далее, геополитическая обстановка, которую призвана формировать новая концепция американской безопасности, рискует обернуться серьезными угрозами для нашей страны и требует реагирования со стороны ее политического и военного руководства.

Для отчетливого понимания курса, заложенного новой американской стратегией безопасности, важно иметь в виду, что она продолжает ряд периодически обновляемых одноименных актов, которые исполнительная власть США выносит на суд законодателей с целью заручиться поддержкой и что немаловажно – финансированием своих военных и политических инициатив. Эта практика, как и сам термин «национальная безопасность», восходит к посланию президента Т. Рузвельта Конгрессу от 6 декабря 1904 года. Обосновывая в этой речи планы экспансии США в Центральной Америке, президент говорил о царящем в некоторых регионах мира «хроническом беспорядке», вызывающем «настоятельную потребность в интервенции какой-либо цивилизованной нации». Здесь же Рузвельт заявлял о том, что «в вопиющих случаях таких беспорядков» Соединенные Штаты будут готовы, «хотя и с неохотой, исполнять роль полицейской международной силы» [8, с. 510].

Однако широкое хождение в американском политическом лексиконе понятие национальной безопасности получило лишь после принятия в 1947 г. одноименного закона, в соответствии с которым при президенте Г. Трумэне был создан высший консультативный орган – Совет национальной безопасности, призванный координировать усилия всех ведомств США в данной сфере [9]. Деятельность Совета, в частности, его секретная директива СНБ-68 «Задачи и про-

граммы национальной безопасности США» [10], играла с конца 1940-х гг. немалую роль в развязывании «холодной войны» и гонки вооружений. Тогда же, в начальный период глобального противостояния с Советским Союзом, был сформулирован и основополагающий принцип всех последующих военно-политических стратегий, доктрин и концепций США, согласно которому их военная безопасность обеспечивается путем «поддержки демократии» во всем мире [11].

И все же, разрабатывавшиеся в США на всем протяжении «холодной войны» военно-политические доктрины, хотя и являлись по своей сути стратегическими планами противодействия той или иной (чаще всего мнимой советской) угрозе, на самом деле не были стратегиями национальной безопасности в общепринятом сегодня смысле этого понятия. Несекретные версии документов под таким названием стали регулярно публиковаться лишь после принятия в 1986 г. закона Голдуотера – Николса «О реформе Министерства обороны». Он, в частности, предусматривал, что эти документы будут обновляться ежегодно и представляться президентом на утверждение Конгрессу в один день с проектами федерального бюджета [12, р. 1067, 1075]. Устанавливая эту процедуру, законодатели исходили из того, что она поможет выстраивать консенсус между ветвями государственной власти в оценке проблем национальной безопасности и будет способствовать их постоянному диалогу с целью выработки оптимального взгляда на те же проблемы в будущем. Правда, со временем это правило соблюдалось все менее строго, и в течение следующих 30 лет президенты представили на одобрение законодателей всего 16 обновленных стратегий безопасности (Р. Рейган в 1987 и 1988 гг., Дж. Буш-ст. в 1990, 1991 и 1993 гг., Б. Клинтон в 1994-1998 и 2000-2001 гг., Дж. Буш-мл. в 2002 и 2006 гг. и Б. Обама в 2010 и 2015 гг.) [13].

С начала 1990-х гг., после того, как политика «сдерживания» СССР потеряла актуальность, и до середины 2000-х гг. угрозы, американской безопасности, рисовавшиеся в этих стратегических актах, были связаны не столько с деятельностью враждебных государств, сколько с неблагоприятными процессами, в том числе так называемыми новыми (глобальными) вызовами. В связи с этим сугубо военная составляющая стратегического планирования США все больше дополнялась идеей использования для достижения их стратегических целей культурного и иного влияния («мягкой силы»). Однако, с другой стороны, этот процесс с лихвой уравновешивался расширением числа не только актуально воспринимаемых Соединенными Штатами угроз, но и объектов и поводов для возможного применения военной силы. К тому же, соблазн диверсификации военной активности США усиливался стремлением найти обоснование дальнейшего пребывания их вооруженных сил за рубежом и сохранения НАТО после окончания «холодной войны». Более того, уход с мировой арены мощного противника в лице Советского Союза вызвал у Вашингтона не только рост уверенности в собственном превосходстве, но и падение интереса к стратегическому диалогу, а главное – снижение «психологического барьера перед использованием силы, вызванного в прошлом опасениями противодействия со стороны СССР» [14, с. 79].

К сожалению, отмеченные тенденции получили развитие и в новом документе, представленном Трампом Конгрессу и широкой общественности в январе 2018 года. Прежде всего, он демонстрирует преемственность с прежним подходом в том, что касается попыток мировоззренческого обоснования внешнеполитического и военно-политического курса Америки. Несмотря на заверения разработчиков «Стратегии» в отсутствии у нее идеологической подоплеки и ее ориентации на «прагматический реализм», ее текст пронизан старым мессианским мотивом – верой в благотворность американского водительства для всего человечества, которое якобы объективно заинтересовано в существовании сильной, процветающей и защищающей свою безопасность Америки. Этот тезис, многократно повторенный во введении, основной части и заключении документа, свидетельствует о прочном усвоении нынешними республиканцами тех внешнеполитических догм, которыми со времен В. Вильсона вот уже сто лет руководствуются их оппоненты – демократы.

Пожалуй, заявления о том, что институты и принципы политической системы США являются залогом не только американского процветания, но и оплотом благополучия всего мира, можно было бы принять за дань давно устоявшемуся ритуалу. Но, как показывает содержание «Стратегии», из этой идеалистической установки следует вполне прагматичный вывод о необходимости продвижения интересов Америки и проекции ее силы по всему земному шару. Ее пафос тем более сомнителен ввиду предпринятой авторами попытки подкрепить тезис об эффективности американских идеалов ссылкой на победы, одержанные Америкой в XX в. «над фашизмом, империализмом и советским коммунизмом» [1, р. I-II, 2, 55]. Данное заявление, в котором политическая похвальба переходит в кощунственную ложь, вряд ли внушает оптимизм относительно способности американских стратегов адекватно воспринимать реалии не только прошлого, но и сегодняшнего дня. К слову можно заметить, что их парафраз известного пассажи из фукуямовского трактата о «конце истории», впервые прозвучавший в американских стратегиях национальной безопасности уже четверть века назад [15, с. 76], сегодня может восприниматься лишь как мрачная самоирония. Время успело показать несостоятельность утопии Ф. Фукуямы о наступающем глобальном торжестве либерального Запада [16], зато подтвердило прогноз его не менее авторитетного, но более прозорливого оппонента С. Хантингтона о уже начавшемся – не без активного содействия той же Америки – столкновении цивилизаций [17].

Структура новой стратегии национальной безопасности США также демонстрирует преемственность с предшествующими редакциями. В ее введении содержится общая оценка современной обстановки в мире, прежде всего тех сдвигов, которые, по мнению авторов, создают угрозы безопасности Америки. Здесь же представлен перечень этих угроз, а также сфер защищаемых интересов и соответствующих им направлений (стратегических приоритетов), на которых будут сосредотачиваться политические, экономические и военные усилия США. Основная часть рассматриваемого текста имеет четыре раздела, каждый из которых посвящен одной из выделенных во введении приоритетных сфер: «Защита американского народа, страны и американского образа жизни», «Содействие американскому процветанию», «Сохранение мира посредством силы» и «Продвижение американского влияния в мире». В них сформулированы задачи по обеспечению безопасности каждой данной сферы, а также намечены конкретные меры по выполнению этих задач.

Можно заметить, что исходным пунктом для выявления американскими стратегами угроз безопасности Соединенных Штатов служит их оценка сложившейся на сегодняшний день обстановки в стране и мире. Как и прежде эта оценка стремится к максимально широкому учету всевозможных – экономических, технологических, геополитических, военно-стратегических, демографических, экологических и т.д. процессов и сдвигов. Однако в этой части «Стратегия» Трампа содержит и новые моменты, которые отсутствовали в подобных обзорах у его предшественников, но уже нашли место в последних доктринальных документах Пентагона и Объединенного комитета начальников штабов. В частности, речь идет об основной черте современной международной обстановки, которой, как настойчиво подчеркивается, является ее все более конкурентный характер. При этом очевиден парадокс: приветствуя экономическую и политическую конкуренцию внутри страны и видя в ней залог национального величия, американские стратеги рассматривают конкурентный окружающий мир как нестабильную среду, чреватую вызовами, угрожающими свободе, безопасности и процветанию Соединенных Штатов. В конечном счете, их оценка процессов, происходящих на мировой арене, сводится к тому, что глобальная конкурентная среда предоставляет соперникам Америки все больше возможностей для наращивания их силового потенциала, включая современное ракетно-ядерное, радиоэлектронное и кибернетическое оружие. В первую очередь имеется в виду облегчение доступа к информационным ресурсам, новейшим технологиям и источникам энергии, которое оказывает самое непосредственное влияние на дальнейшее развитие соперничества в экономической, политической и военной областях. Разработчики «Стратегии» подчеркивают, что в последние годы это соперничество приобрело новые и весьма тревожные для Соединенных Штатов черты. В част-

ности, они отмечают, что сегодня Америка сталкивается с одновременными вызовами, «исходящими от разных участников и на различных аренах», причем эта тенденция усиливается вследствие ускоренного развития технологий [1, р. 26-27].

Признавая, что конкуренция в международных отношениях носит извечный характер и не обязательно ведет к конфликтам, авторы «Стратегии» бросают, все же, оппонентам Америки упрек в том, что те используют любое ослабление ее позиций для собственного усиления. При этом они априорно полагают, что «слабость Америки служит поводом для новых вызовов» в той же мере, в какой «ее сила и уверенность сдерживают войну и способствуют миру». Из данного постулата следует концептуальный вывод в недопустимости изменений сложившегося баланса сил не в пользу Соединенных Штатов, а также о том, что лучшим способом предотвращения будущих конфликтов является усиление их конкурентоспособности [1, р. 4].

Еще одним новым моментом в «Стратегии» Трампа является признание ее разработчиков в том, что нынешнюю неблагоприятную ситуацию породили в 1990-е – начале 2000-х гг. отчасти сами Соединенные Штаты, пожинающие сегодня плоды собственного «стратегического самодовольства» [1, р. 3]. Казалось бы, логично ожидать, что вслед за этим последует, наконец, непредвзятая оценка тех шагов, которые США успели предпринять в эти годы, почувствовав себя единственной сверхдержавой и хозяйкой однополярного мира. Однако на самом деле сетования по поводу недавней убежденности Америки в неоспоримости ее военного превосходства относятся не к ее, как можно было подумать, силовым акциям на Балканах или Ближнем Востоке и не к продвижению ее ПРО вместе с НАТО к границам России, а к некой ложной «самоуспокоенности», которая якобы привела к деградации вооруженных сил и военно-промышленного комплекса США. Более того, утверждается, – и это еще одна сквозная тема документа – что Америка стоит перед реальной перспективой потери, накопленных ею в XX в. преимуществ и сдачи завоеванных позиций. Конечно, в этих заявлениях можно увидеть и испытанный прием укрепления позиций новой власти за счет критики предшествующих администраций, и стремление лишней раз напомнить избирателям о своей программе. Но, надо полагать, не менее важными мотивами при этом являются и интересы американского ВПК и генералитета, которым новая стратегия безопасности сулит немалые прибыли и расширение влияния.

Кроме того, к роковым ошибкам внешнеполитического курса США последних двух десятилетий разработчики документа отнесли якобы лежавшую в его основе веру в то, что равноправное взаимодействие в рамках международных институтов превратит соперников в «доброжелательных акторов и заслуживающих доверия партнеров» [1, р. 3]. Как утверждают творцы «Стратегии», эти надежды не оправдали себя ввиду того, что те же соперники принялись «использовать пропаганду и другие средства для дискредитации демократии, насаждения антизападных предрассудков и сеяния розни между Соединенными Штатами и их союзниками и партнерами». Но, к сожалению, и этот рекем разбитым иллюзиям звучит диссонансом с реальными фактами недавнего прошлого. Он заставляет вспомнить не только об участившихся после окончания «холодной войны» случаях применения Америкой военной силы, но и о ее возросшем стремлении действовать при этом в обход международных правил, организаций и даже собственных союзников по НАТО.

Что касается конкретных источников угроз, на которые указывает новая американская стратегия безопасности, то в этом плане она, пожалуй, наиболее сильно отличается от предшествовавших ей аналогичных документов. В ней, как и в новейших доктринальных актах военных ведомств США, эти источники делятся на три группы «оппонентов» (или, в зависимости от контекста, «соперников», «конкурентов» либо «противников»).

Первая группа американских недругов представлена в «Стратегии» Трампа Китаем и Россией, в упрек которым ставится то, что они, якобы, «полны решимости сделать экономику менее свободной и справедливой, наращивать свои вооруженные силы и взять под контроль информационные потоки и банки данных с тем, чтобы подавить в своих странах общественную активность и расширить свое влияние». Оба государства названы в документе «ревизионист-

скими державами», «бросаящими, как и остальные соперники Америки, вызов США и их союзникам в политической, экономической и военной сферах, а также использующих новые технологические и информационные ресурсы для дальнейшего смещения региональных балансов сил в свою пользу». В мировоззренческой системе координат американских стратегов это соперничество предстает как противостояние тех, кто отстаивает репрессивные системы господства, и тех, кто выступает за свободные общества. В конечном счете, Китай и Россия объявлены силами, которые хотят сформировать мир, противоположный интересам и ценностям Соединенных Штатов Америки» [1, p. 25].

Ко второй группе источников угроз американская стратегия безопасности относит так называемые государства-изгои – Корейскую Народно-Демократическую Республику и Исламскую Республику Иран, в вину которым ставится «жестокий обман» собственных народов, стремление к дестабилизации обстановки в своих регионах и угрозы в адрес Америки и ее союзников.

В третью группу враждебных Америке сил включены различные организации транснационального характера от «джихадистских» (как они именуются в документе) террористических группировок до международных преступных сетей, «активно пытающихся нанести вред Америке и американцам» [1, p. 2, 25].

Взаимоотношения США с участниками всех трех указанных групп преподносятся в «Стратегии» – несмотря на их различную природу и влияние – в контексте глобального противостояния сторонников свободы и ее противников. Действия этих «акторов» рассматриваются как угроза не только Америке, но и всему миру, а они сами – как потенциальные объекты приложения американской военной силы.

Из текста анализируемого документа видно, что «физические» угрозы «американскому народу, государству и образу жизни» его авторы связывают преимущественно с деятельностью «негосударственных» субъектов и государств-«изгоев». Прежде всего имеется в виду их стремление использовать приверженность американцев «свободному экономическому и информационному обмену в открытом и взаимосвязанном мире» для нанесения ущерба Соединенным Штатам Америки. В качестве примеров такой подрывной деятельности названы: атомный шантаж со стороны Северной Кореи, которая «управляется как беспощадная диктатура» и вот уже более четверти века добивается обладания ракетно-ядерным оружием; поддержка Ираном международных террористических групп вкупе с разработкой им все более эффективных баллистических ракет и стремлением сохранить потенциал, необходимый для продолжения работ над ядерным оружием; деятельность джихадистских организаций, таких как ИГИЛ или Аль-Каида, связанных общей радикальной исламской идеологией, поощряющей насилие против США и их партнеров, а также международная нарко- и работоторговля и т.п.

Особую озабоченность разработчики американской «Стратегии» выражают по поводу стремления противников США подорвать основы американской экономической и политической системы и американского образа жизни путем использования американских же достижений. Недругам своей страны они бросают упрек в том, что те «воруют и используют нашу интеллектуальную собственность и наши личные данные, вмешиваются в наши политические процессы, вторгаются в наши воздушные и морские пространства и держат в опасности нашу критически важную инфраструктуру». Важно отметить, что авторы «Стратегии» видят свою задачу не только в сдерживании указанных угроз, но и в уничтожении при необходимости их потенциала прежде чем они, достигнут Соединенных Штатов. Здесь же содержится призыв к формированию «культуры постоянной готовности» и обеспечения выживаемости американского общества, государства и бизнеса, а также критической инфраструктуры Америки в экстремальных обстоятельствах в случае, если какая-либо угроза достигнет своей цели [1, p. 21].

Описывая угрозы, способные подорвать американское влияние в мире, стратегия национальной безопасности Трампа делает акцент прежде всего на враждебной активности «ревизионистских государств». Так, Китай обвиняется в стремлении вытеснить США из Индо-

Тихоокеанского региона, распространить на него влияние своей государственной экономики и «переупорядочить его в свою пользу». При этом здесь вновь звучат нотки разочарования по поводу «коварства» КНР, чей рост и интеграцию в международный порядок Америка якобы поддерживала десятки лет в надежде на либерализацию китайского курса. Но, как утверждают американские стратеги, несмотря на это Китай «наращивает свою мощь за счет чужого суверенитета, распространяет свои авторитарные порядки и строит – используя в том числе американские инновации – все более боеспособные вооруженные силы».

Если «государства-изгои», международные террористические и преступные сети, а также Китай уже не первый раз фигурируют в списке угроз американской безопасности, то место, отведенное в нем России, является бесспорно самой важной «новацией» «Стратегии» Трампа. В тексте документа наша страна упоминается около двадцати раз по десятку различных поводов, причем смысл и тональность этих упоминаний не оставляют сомнений в переходе Америки к решительной конфронтации. Если в 1990-е гг. Россия фигурировала в американских стратегических документах в контексте общих упоминаний об СНГ, а после 2002 г. указывалась как партнер в войне с международным терроризмом [18], то в стратегии безопасности Трампа отсутствуют указания не только на какое-либо партнерство, но даже на формальное выражение готовности к его установлению. Можно полагать, что этим был окончательно закреплен поворот, начавшийся в отношениях США с нашей страной в связи с событиями 2014 г. на Украине и впервые обозначенный в 2015 г. в стратегии американской безопасности Обамы.

Спектр американских претензий к России, изложенных в «Стратегии» Трампа, весьма широк. Их перечень можно условно разбить на четыре группы:

Во-первых, России ставится в вину стремление оспорить геополитические преимущества Америки и изменить международный порядок в свою пользу [1, р. 27]. К этому добавляется и то, что она «использует подрывные меры для ослабления доверия и приверженности Европы Америке», для расшатывания трансатлантического единства и ослабления европейских учреждений и правительств и т.п.

Во-вторых, выказывается озабоченность тем, что Россия развивает современное оружие, «способное угрожать американской критической инфраструктуре и архитектуре управления и контроля». В связи с этим особо подчеркивается, что Россия вкладывает средства в обновление своего военного потенциала, в том числе ядерных систем, «остающихся наиболее значимой угрозой существованию Соединенных Штатов Америки», а также «расширяет свои возможности по дестабилизации кибернетического пространства» [1, с. 8].

В-третьих, утверждается, что Россия использует «модернизированные формы подрывной деятельности» для «вмешательства во внутренние дела других стран», в том числе «пытается манипулировать средствами массовой информации», политическими процессами, финансовыми сетями и персональными данными для того, чтобы «подорвать легитимность демократий».

В-четвертых, – и это, пожалуй, самое серьезное обвинение – авторы «Стратегии» вменяют России стремление «восстановить статус великой державы», утвердить, как и Китай, свое влияние на региональном и глобальном уровнях и при этом «запугать соседей своим угрожающим поведением». Более того, заявляя о нарушении Россией статус-кво в регионе, они приписывают ей целенаправленное использование растущих военных возможностей для создания зоны неустойчивости в Евразии [1, р. 25-26].

Нетрудно заметить, что этот перечень «угрожающих действий» России, преподнесенный в виде «анализа» международной обстановки, по сути, не содержит ничего, что не присутствовало бы во внешней политике самих Соединенных Штатов. И если Америка объясняет собственные аналогичные шаги необходимостью защиты своих жизненных интересов, то у России на это есть куда более веские основания. В конце концов, не ее военный бюджет в десять раз превышает американский, не она продвигает свои военные базы на Запад и не ее система ПРО разворачивается вдоль американских границ. Тем не менее даже тот факт, что «Россия рассматри-

вает Организацию североатлантического договора и Европейский союз в качестве угроз» – и тот нашел место в списке американских «свидетельств» ее враждебного поведения [1, р. 25].

Между тем уже само распределение упоминаний о России в тексте американской «Стратегии» красноречиво свидетельствует о надуманном характере российской угрозы. В первом («оборонительном») разделе документа она упоминается всего трижды, остальные полтора десятка упоминаний приходятся на те разделы, где речь идет о намерении США сохранять свое военное превосходство для «обеспечения мира посредством силы» и продвижения своего глобального влияния. Эта статистика может рассматриваться как своего рода невольное признание американских стратегов в том, что они видят в нашей стране не столько потенциального агрессора, сколько препятствие в установлении глобальной гегемонии Америки и конкурента, усиление которого для нее недопустимо.

Анализируя всю совокупность реальных и потенциальных угроз, встающих сегодня перед Америкой, разработчики стратегии ее безопасности особо подчеркивают, что их сдерживание является даже более сложной задачей, чем во времена «холодной войны». С одной стороны, это вызвано тем, что противники изучили американские способы ведения войн и начали вкладывать средства в возможности, нацеленные на купирование американских преимуществ и использование в своих целях американских слабостей. С другой стороны, в их руки попадает высокоточное и недорогое оружие и всевозможные кибернетические инструменты. Утверждается, что это предоставляет даже «негосударственным» противникам и конкурентам Америки принципиально новые возможности:

Во-первых, наносить вред США в расширяющемся диапазоне областей и оспаривать казавшееся до недавнего времени незыблемым господство США на суше, в воздушном, морском, космическом и кибернетическом пространстве.

Во-вторых, совершать стратегические атаки против Соединенных Штатов и при этом подрывать их экономику и способность развертывать вооруженные силы.

В-третьих, действовать ниже порога открытого военного конфликта и на грани международных правовых норм.

В-четвертых, быстрее и гибче интегрировать свои экономические, военные и особенно информационные ресурсы для достижения своих целей.

В-пятых, не обременять себя необходимостью придерживаться правил, присущих демократии, и норм, действующих в военное время.

В-шестых, проводить политические, экономические и военные кампании, сочетающие в себе комбинированные «дискретные» действия. Разработчики «Стратегии» отмечают, что противники научились извлекать стратегические выгоды, активно используя время, которое требуется США и их союзникам для принятия ответных мер. Такие действия приносят эффект не провоцируя прямого военного ответа Соединенных Штатов. Со временем полученные противником раз за разом преимущества накапливаются и оборачиваются новым статус-кво.

В-седьмых, Китай, Россия и другие государственные, а также негосударственные субъекты учитывают, что США рассматривают ситуацию через дихотомию состояний мира или войны, в то время как сами провоцируют фактически непрекращающееся противоборство [1, р. 26-27].

Вывод, который делают авторы американской стратегии безопасности из своей оценки международной ситуации и видоизменяющихся угроз, строится на уверенности в заведомой агрессивности не только международных террористических организаций, но и «государственных» оппонентов США: «Опыт показывает, что готовность соперников прибегнуть к агрессии или отказаться от нее зависит от их восприятия силы и решимости Америки и ее партнеров по альянсам. Поэтому Соединенные Штаты будут искать области сотрудничества со своими конкурентами с позиции силы, которая обеспечивается, прежде всего, американской военной мощью». Иными словами, «деятельность американских дипломатов будет успешной только тогда, когда за их спинами будут стоять мощные и боеготовые вооруженные силы» [1, р. 27].

Концептуальная установка стратегии безопасности США на «сохранение мира через силу» ставится ее авторами в прямую зависимость от решения комплекса задач, стоящих перед Америкой в экономической, военной, внутри- и внешнеполитической сферах. Формулируя их, американские стратеги делают упор на необходимости возрождения американских вооруженных сил с тем, чтобы обеспечить их превосходство над противниками и их «способность сдерживать, а в случае необходимости – сражаться с ними и побеждать». При этом разработчики «Стратегии» декларируют свою решимость использовать все инструменты власти прежде всего для того, чтобы укрепить возможности Америки в области ядерных вооружений, в космосе, киберпространстве и в других сферах, которыми она в последнее время якобы пренебрегала. Подчеркивая большую роль союзников и партнеров в «умножении» американской мощи, они выражают надежду что те возьмут на себя «справедливую долю того бремени ответственности, которая необходима для эффективной защиты от общих угроз.

Вслед за обзором геополитической обстановки в мире авторы «Стратегии» приходят к выводу о том, что дипломатические, разведывательные, оборонные и хозяйственные структуры США не поспевают за изменениями характера международного соперничества, и что они должны стать «гибкими и адаптивными» для того, чтобы эффективно противодействовать как нынешним, так и будущим угрозам. При этом подчеркивается необходимость сплочения усилий государственных органов и частного сектора экономики в самих Соединенных Штатах, а также американских союзников и партнеров по всему миру. Как полагают разработчики «Стратегии», это придаст Соединенным Штатам способность разнообразить инструменты сдерживания и отражать все возможные стратегические атаки, а американским Вооруженным силам – работать одновременно в нескольких сферах и в полном спектре предстоящих конфликтов.

Учитывая особенности сложившейся геополитической обстановки, новая стратегия национальной безопасности США ставит конкретные задачи по обеспечению «мира посредством силы». Эти задачи сформулированы в третьем разделе документа. Они заключаются в качественном обновлении военной мощи США, которая, как подчеркивается, остается главным фактором обеспечения американского влияния, в сочетании с повышением конкурентоспособности дипломатии и эффективности государственного управления. Основное внимание здесь сосредоточено на военной проблематике: обновлении вооруженных сил в целом и, в частности, их научно-промышленной базы, ядерных, космических, кибернетических сил и всех видов разведки [1, p. 28].

В числе приоритетных мер по обновлению Вооруженных сил в целом в «Стратегии» указаны: модернизация уже существующих систем вооружений; развертывание новых, более смертоносных, чем имеющиеся у соперников вооружений наряду с разработкой дорогостоящих, а потому недостижимых для противника образцов; устранение бюрократических препон на пути инноваций, в том числе и разработанных за пределами традиционной оборонно-промышленной базы; оптимизация расходов военного бюджета, управленческих штатов и численности самих Вооруженных сил; повышение боеготовности войск путем совершенствования их логистического и технического обеспечения, глобальной мобильности и «упругости» сил передового базирования и, наконец, сохранение «полноспектрового» состава Вооруженных сил, который позволит одерживать победы на сухопутном, морском, воздушном, космическом и кибернетическом театрах военных действий не только в регулярных, но и в нерегулярных военных конфликтах [1, p. 29].

Предусмотренные «Стратегией» меры по оздоровлению оборонно-промышленной базы США включают в себя ее мониторинг и прогнозирование ситуаций, оказывающих влияние на критически важные производственные и технологические цепочки; поощрение репатриации ключевых для национальной безопасности производств; укрепление конкурентоспособности США в области передовых производственных технологий, многоуровневую поддержку науки,

техники и инженерного дела, а также технических колледжей и образовательных программ по подготовке высококвалифицированных кадров [1, р. 30].

Если сдерживание возможной агрессии против США и их союзников рассматривается авторами «Стратегии» как главное условие сохранения мира и стабильности, то его основным инструментом они объявляют ядерные силы. И хотя, как они отмечают, эти силы не могут устранить все конфликты, они необходимы для предотвращения ядерных атак, неядерных стратегических нападений и широкомасштабных конвенциональных агрессий. Тем более нетерпима, по их мнению, ситуация, сложившаяся в ядерных силах США вследствие сокращения их финансирования и недооценки их роли в тех стратегиях национальной безопасности, которые принимались после окончания «холодной войны».

Меры, призванные исправить это положение, предусматривают: увеличение инвестиций в развитие американского ядерного арсенала и обслуживающей его инфраструктуры; поддержание этого арсенала в состоянии, достаточном для сдерживания возможных противников и достижения целей США в случае, если оно потерпит неудачу; поддержание оптимальной структуры ядерных сил, учитывающей непредвиденные риски и текущие потребности США; модернизацию атомной промышленности в целях сохранения ее научного, технического и производственного потенциала, достаточного для поддержания эффективной ядерной триады, а также модернизацию системы управления и подготовки высококвалифицированных кадров, необходимых для разработки, производства и развертывания ядерных вооружений.

Этот перечень мер, как заявляют сами авторы «Стратегии», направлен на продолжение политики устрашения, которая, впрочем, не исключает дискуссий с другими государствами ради выстраивания предсказуемых отношений, уменьшения ядерных рисков и «установления новых механизмов контроля над ядерными вооружениями ради поддержания стратегической стабильности» [1, р. 31]. Однако, как можно заметить, в этом списке не нашлось места ни конкретным сценариям применения ядерных сил, ни указаний на готовность к переговорам об их сокращении. Вместо этого раздел, посвященный ядерной проблематике, венчает заявление о том, что страх перед эскалацией ядерной угрозы «не помешает Соединенным Штатам защищать свои жизненные интересы, а также интересы своих союзников и партнеров». Эта столь же воинственная, сколь и расплывчатая декларация в сочетании с весьма широким определением того, что, собственно, следует понимать под американскими «жизненными интересами», указывает на существенное снижение порога возможного применения Соединенными Штатами ядерного оружия.

Особое место в обеспечении политики «мира через силу» американская стратегия национальной безопасности отводит закреплению лидерства США в космическом и кибернетическом пространстве. Выделяя эти сферы из всех оперативных сред, авторы документа вновь выражают тревогу по поводу издержек «демократизации», т.е. расширения доступа соперников к новым инструментам (в данном случае космическим системам, банкам данных, сетям и т.п.), сводящим на нет преимущества Америки в текущих и грядущих конфликтах. Приоритетные меры, призванные обеспечить Соединенным Штатам дальнейшее доминирование и свободу действий в космосе, сводятся, в целом, к объединению усилий государственного (гражданского и военного) и частного космических секторов и поощрению коммерческой космической деятельности [1, р. 31]. Обеспечению кибернетической безопасности США должны способствовать подготовка кадров и совершенствование инструментария по всему спектру возможных конфликтов для защиты целостности данных, информации и критической инфраструктуры. В дополнение к этим мерам в «Стратегии» декларируется решимость Америки жестко пресекать любые посягательства на ее космическую архитектуру и кибернетическую безопасность вплоть до физического уничтожения источников угроз [1, р. 31].

Наконец, еще одним инструментом, предназначенным обеспечивать американскую политику «мира через силу» и удостоенного в стратегии национальной безопасности Трампа особого внимания, является разведка. Отмечая возрастание роли разведывательного сообщества

в информационную эпоху, разработчики документа подчеркивают важность как стратегической разведки, необходимой для прогнозирования глобальных сдвигов, так и «краткосрочной» разведки, призванной обеспечить своевременный ответ США на текущие действия соперников. Среди приоритетных задач, стоящих перед американскими разведывательными органами, «Стратегия» называет: устранение различного рода стратегических, оперативных и тактических рисков; получение данных, необходимых для применения тех или иных систем вооружений; действия ниже порога вооруженного конфликта; предотвращение хищений конфиденциальной, в т.ч. экономической информации; обеспечение понимания политических и военных приоритетов противников; недопущение нападений на американских граждан и «унижения» демократических институтов; анализ и обобщение информации, полученной из дипломатических, коммерческих, военных и прочих источников и необходимой для повышения конкурентоспособности США на мировой арене. В целом, с поддержкой разведки не в последнюю очередь связывается и способность Соединенных Штатов модернизировать и эффективно использовать свои вооруженные силы [1, р. 32].

Выводы. Подводя итоги обзора и анализа новой стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов Америки можно сделать следующие выводы:

Во-первых, риторика, структура и ряд содержательных моментов данного документа не демонстрируют принципиальных расхождений с аналогичными законодательными актами стратегического характера, которые принимались в США на протяжении последних тридцати лет. В соответствии с уже сложившейся традицией нынешняя «Стратегия» носит во многом декларативный характер, предполагающий более детальную проработку ее основных положений в последующих, в том числе секретных доктринальных документах американского министерства обороны.

Во-вторых, общая оценка американскими стратегами складывающейся в мире ситуации окрашена тревогой по поводу риска утраты Соединенными Штатами их преимуществ в военной и военно-технологической сфере. Главным поводом для этого беспокойства служит расширение возможностей доступа их недругов – как «государственных», так и «негосударственных» субъектов – к конфиденциальной информации, новейшим технологиям и образцам вооружений. Логично предположить, что одним из способов купирования данной угрозы станет дальнейшее усиление контроля над распространением новейших технологий путем ужесточения уже проводимой санкционной политики и введения новых эмбарго, в том числе и против России.

В-третьих, традиционный мотив американских документов стратегического планирования – декларация решимости не допускать посягательств на глобальное военное превосходство США – выражена в новой стратегии национальной безопасности в более агрессивных, чем раньше тонах. Это относится и к заявлениям Вашингтона о намерении и впредь обеспечивать мир с позиции силы. Учитывая, что та же стратегия истолковывает попытки противостоять американской гегемонии как угрозу миру, ее реализация рискует вылиться в балансирование на грани войны.

В-четвертых, одно из важнейших отличий рассматриваемого документа связано с резким повышением внимания к России как недружественному Соединенным Штатам государству вкупе с пространным перечнем ее действий, якобы угрожающих американской безопасности. Тот факт, что Россия в соответствующих местах документа упоминается наряду с Китаем, не должен внушать уверенности о том, что подход Вашингтона к обеим державам будет неизменно одинаков. Взаимозависимость американской и китайской экономик, а также известная (по крайней мере, на данный момент) осторожность Пекина в демонстрации своих геополитических амбиций создают почву для возможных компромиссов в американо-китайских отношениях. В случае, если они будут достигнуты, Россия займет первое место в американском списке враждебных «ревизионистских государств» с перспективой переместиться в группу «государств-изгоев».

В-пятых, сохранение военного и технологического превосходства США над их нынешними и вероятными противниками рассматривается администрацией Трампа в качестве главной гарантии обеспечения американской безопасности. Особого внимания заслуживает то, что в представленных планах военного строительства упор делается на разработку и внедрение дорогостоящих высокотехнологичных вооружений, обладание которыми будет заведомо недостижимо для врагов и соперников.

Таким образом, новая американская стратегия национальной безопасности нацеливает на дальнейшее развертывание гонки вооружений и ее перенос на качественно новый технико-технологический уровень. Представляется, что в этом заключается главный вызов, встающий сегодня перед Россией. Залогом ее выживания в мире, контуры которого очерчивает, в том числе и рассмотренный выше документ, является решительный прорыв в сфере высоких технологий. Это ставит новые и весьма ответственные задачи перед российским ВПК и системой научных и учебных учреждений Министерства обороны Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Электронный ресурс] // WhiteHouse.gov. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).

2. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge [Электронный ресурс] // United States Department of Defense. Режим доступа: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).

3. Nuclear Posture Review 2018 [Электронный ресурс] // United States Department of Defense. Режим доступа: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения: 10.05.2018).

4. The National Military Strategy of the United States of America. The United States Military's Contribution to National Security. June 2015 [Электронный ресурс] // Center for Security and Development Studies. Режим доступа: <http://fmp.msu.ru/center-for-security-and-development-studies/anthology/document-inventory/countries/item/1943-the-national-military-strategy-of-the-united-states-of-america-2015> (дата обращения: 10.05.2018).

5. Joint Operating Environment JOE 2035. The Joint Force in a Contested and Disordered World. 14 July 2016 [Электронный ресурс] // Public Intelligence. URL: <https://info.publicintelligence.net/JCS-JOE-2035.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).

6. Печуров С. Военная стратегия – дело коллегиальное [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. 02.02.2007. Режим доступа: <http://49e.ru/ru/2013/7/7> (дата обращения: 10.05.2018).

7. Ирошников Д.В., Нестеров С.В. Понятие и классификация концептуальных и доктринальных документов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Правовая инициатива. 2013. № 7. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-ofitsialnyh-dokumentov-kontseptsiy-doktrin-i-strategiy-v-politicheskom-upravlenii-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 10.05.2018).

8. История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время 1871-1914 / Под ред. А.А. Громько и др. М.: Госполитиздат, 1963. 820 с.

9. National Security Act of 1947 (Chapter 343; 61 Stat. 496; approved July 26, 1947) [Электронный ресурс] // United States Senate Select Committee on Intelligence. Режим доступа: <https://www.intelligence.senate.gov/sites/default/files/laws/nsact1947.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).

10. NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950). A Report to the President Pursuant to the President's Directive of January 31, 1950. Washington, April 7,

1950 [Электронный ресурс] // National Security Council. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68.htm> (дата обращения: 10.05.2018). Русский текст см: Директива СНБ-68 [Электронный ресурс] // История США в документах. Режим доступа: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/direktiva-snb-68.php> (дата обращения: 10.05.2018).

11. Уткин А.И. Стратегия глобальной экспансии: внешнеполитические доктрины США. М.: Международные отношения, 1986. 287 с.

12. Goldwater-Nichols Department of Defense Reorganisation Act of 1986. Public Law 99-433. Oct. 1, 1986 [Электронный ресурс] // United States Department of Defense. Режим доступа: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/dod_reforms/Goldwater-NicholsDoDReordAct1986.-pdf (дата обращения: 10.05.2018).

13. National Security Strategy Reports [Электронный ресурс] // National Security Strategy Archive. Режим доступа: <http://nssarchive.us/> (дата обращения: 10.05.2018).

14. Фененко А.А. Современные военно-политические концепции США [Электронный ресурс] // Международные процессы. 2011. Т.9. №1. С. 66–84. Режим доступа: <http://www.interwww.interwww.intertrends.ru/nineteenth/007.htm> (дата обращения: 29.08.2011).

15. Журбей Е.В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. // Ойкумена. 2015. № 2. С. 75–108.

16. Фукуяма Ф.В. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004. 592 с.

17. Хантингтон С.С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

18. Стратегии национальной безопасности США. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС. 19.12.2017. Режим доступа: <http://tass.ru/info/4825512> (дата обращения: 10.05.2018).

REFERENCES

1. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Электронный ресурс] // WhiteHouse.gov. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).

2. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge [Электронный ресурс] // United States Department of Defense. Режим доступа: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).

3. Nuclear Posture Review 2018 [Электронный ресурс] // United States Department of Defense. Режим доступа: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения: 10.05.2018).

4. The National Military Strategy of the United States of America. The United States Military's Contribution to National Security. June 2015 [Электронный ресурс] // Center for Security and Development Studies. Режим доступа: <http://fmp.msu.ru/center-for-security-and-development-studies/anthology/document-inventory/countries/item/1943-the-national-military-strategy-of-the-united-states-of-america-2015>. (дата обращения: 10.05.2018).

5. Joint Operating Environment JOE 2035. The Joint Force in a Contested and Disordered World. 14 July 2016 [Электронный ресурс] // Public Intelligence. Режим доступа: <https://info.publicintelligence.net/JCS-JOE-2035.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).

6. Pechurov S. Voennaya strategiya – delo kollegial'noe [Электронный ресурс] // Nezavisimoe vo-ennoe obozrenie. 02.02.2007. Режим доступа: <http://49e.ru/ru/2013/7/7> (дата обращения: 10.05.2018). (in Russian).

7. Iroshnikov D.V., Nesterov S.V. Ponyatie i klassifikatsiya kontseptual'nyh i doktrinal'nyh dokumentov Rossiyskoy Federatsii [Электронный ресурс] // Pravovaya initsiativa. 2013. № 7. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-ofitsialnyh-dokumentov-kontseptsiiy-doktrin-i>

strategiy-v-politicheskom-upravlenii-rossiyskoy-federatsii (data obrashheniya: 10.05.2018). (in Russian).

8. Istoriya diplomatii. T. 2. Diplomatiya v novoe vremya 1871-1914 / Pod red. A.A. Gromyko i dr. M.: Gospolitizdat. 1963. 820 p. (in Russian).

9. National Security Act of 1947 (Chapter 343; 61 Stat. 496; approved July 26, 1947) [EHlektronnyy resurs] // United States Senate Select Committee on Intelligence. Rezhim dostupa: <https://www.intelligence.senate.gov/sites/default/files/laws/nsact1947.pdf> (data obrashheniya: 10.05.2018).

10. NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950). A Report to the President Pursuant to the President's Directive of January 31, 1950. Washington, April 7, 1950 [EHlektronnyy resurs] // National Security Council. Rezhim dostupa: <https://fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68.htm> (data obrashheniya: 10.05.2018). Russkiy tekst sm: Direktiva SNB-68 [EHlektronnyy re-surs] // Istoriya SSHA v dokumentah. Rezhim dostupa: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/direktiva-snb-68.php> (data obrashheniya: 10.05.2018). (in Russian).

11. Utkin A.I. Strategiya global'noy ehkspansii: vneshnepoliticheskie doktriny SSHA. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1986. 287 p. (in Russian).

12. Goldwater-Nichols Department of Defense Reorganisation Act of 1986. Public Law 99-433. Oct. 1, 1986 [EHlektronnyy resurs] // United States Department of Defense. Rezhim dostupa: http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/dod_reforms/Goldwater-NicholsDoDReordAct1986.pdf (data obrashheniya: 10.05.2018).

13. National Security Strategy Reports [EHlektronnyy resurs] // National Security Strategy Archive. Rezhim dostupa: <http://nssarchive.us/> (data obrashheniya: 10.05.2018).

14. Fenenko A. Sovremennye voenno-politicheskie kontseptsii SSHA [EHlektronnyy resurs] // Mezhdunarodnye protsessy. 2011. T. 9. № 1. P. 66–84. Rezhim dostupa: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/007.htm> (data obrashheniya: 29.08.2011). (in Russian).

15. ZHurbey E.V. Strategiya natsional'noy bezopasnosti SSHA v 90-e gg. XX v. // Oykumena. 2015. № 2. P. 75–10. (in Russian).

16. Fukuyama F. Konets istorii i posledniy chelovek. M.: AST, 2004. 592 p. (in Russian).

17. Hantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy. M.: AST. 2003. 603 p. (in Russian).

18. Strategii natsional'noy bezopasnosti SSHA. Dos'e [EHlektronnyy resurs] // TASS. 19.12.2017. Rezhim dostupa: <http://tass.ru/info/4825512> (data obrashheniya: 10.05.2018). (in Russian).

© Теплухин В.В., Алленов С.Г., Махиборода С.А., 2018

Теплухин Вячеслав Владимирович, кандидат исторических наук, подполковник, начальник 14 отдела научно-исследовательского 1 управления научно-исследовательского научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией Военно-воздушных сил), Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54А, v.v.teplukhin@mail.ru.

Алленов Сергей Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник 14 отдела научно-исследовательского 1 управления научно-исследовательского научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией Военно-воздушных сил), Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54А, allenov.sg@gmail.com.

Махиборода Сергей Александрович, подполковник, старший преподаватель кафедры общевоенных дисциплин, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54А, mahi-191@mail.ru.